

Занемонец А. В. Иоанн Евгеник и православное сопротивление Флорентийской унии. СПб.: Алетейя, 2008. (Серия «Византийская библиотека. Исследования»). 160 с.

Посвященная младшему брату свт. Марка Эфесского, книга главным предметом своим имеет события, связанные с заключением унии на Флорентийском соборе. Автор идет по проторенной дороге¹, показывая, что униональное постановление «полностью составлено на латинских условиях» (с. 4, аннотация; сс. 82, 95 и др.). С этим мы не можем согласиться. Определение собора имеет характер обоюдного компромисса, который был достигнут неимоверными усилиями и греков, и латинян. После схизмы 1054 г. постоянно возобновлялись переговоры о восстановлении церковного общения. Знания латинян и греков друг о друге росли, а значит, росло и взаимопонимание. В XIV в. была переведена на греческий «Сумма теологии» Фомы Аквинского. Латинское духовенство в восточных колониях, созданных крестовыми походами, открывало для себя восточные Церкви и восточных отцов. Почти все переговоры Рима и Византии о церковной унии заходили в тупик, а Лионская уния 1274 г. просуществовала лишь 8 лет, да и то с большим трудом. Но в больших западных владениях на Востоке (Крит, Кипр и мн. др.) православных веками принуждали жить в режиме унии. Весь накопленный опыт говорил Западу не только о невозможности латинизировать Восток, но и о необходимости достаточно широких уступок грекам. Компромиссный характер Флорентийской унии выразился уже в том, что прежде всего были выделены для рассмотрения и согласования лишь 4 главных вопроса, т. е. все прочие расхождения были сочтены не препятствующими церковному единству. Далеко позади было время, когда кардинал Гумберт утверждал, что греки исказили Символ, убрав из него *Filioque*. Теперь латиняне признавали, что вставка была сделана на Западе, и их целью было доказать грекам, что *Filioque* — не прибавление, искажающее смысл, но распространение текста, разъясняющее его значение. Сами по себе такие «распространения» могут иногда считаться допустимыми — вспомним старорусское «Господа истиннаго и животворящаго». Но, конечно, латинянам не удалось убедить таких греков, как свт. Марк, в идентичности греческой и латинской триадологии. И все же условия Флорентийской унии разрешали грекам употреблять традиционный Символ. Если очень скоро после заключения унии с греками Рим, ссылаясь на эту самую унию с греками, заставлял

¹ Необходимо отметить, что в русской историко-богословской науке Ферраро-Флорентийский Собор (особенно в его историко-богословской части) практически не исследован. Как показывает рецензент, книга А. В. Занемонца, к сожалению, также не является значимым шагом в этом направлении. В 2010 г. А. В. Занемонец издал перевод «Воспоминаний о Ферраро-Флорентийском Соборе» Сильвестра Сиропула (СПб.: Издательство Олега Абышко, 2010). Безусловно, это издание заслуживает отдельной рецензии. — *Ред.*

другие, неправославные восточные Церкви (Армянскую, Коптскую, Сирийскую, Халдейскую, Маронитскую) принимать *Filioque*, то это означало, что с ними разговор велся с позиции силы, а вовсе не в таком компромиссном духе, как с греками. Но с другой стороны сама уния с греками усилила позиции Рима. Компромиссный характер решения проблемы *Filioque* в той или иной степени свойствен и решению других спорных проблем. Таким образом, концептуальная часть рецензируемой работы оказывается несостоятельной: Флорентийская уния с греками была не капитуляцией греков, но компромиссом. Так же ее оценивает, вразрез с популярными изданиями, русский специалист по исследуемому вопросу, архимандрит Амвросий (Погодин) (Святой Марк Эфесский и Флорентийская уния, Джорданвилль, 1963).

На самом деле рецензируемое исследование представляет собой всего лишь *предисловие* к несостоявшемуся новому изданию сочинения Иоанна Евгеника «Антирретик». Об этом говорят, в частности, фразы, оставленные без изменения при поспешном окончательном редактировании: «Латинский перевод Льва Алляция — единственный перевод части Антирретика на иностранный язык. Вместе с комментарием Алляция он будет полностью приведен ниже» (с. 114). Это творение издано еще в 1692 г., но Занемонец почему-то заявляет, что оно «не введено в научный оборот» (с. 117). Автор обещает, что «богословские воззрения Евгеника и его вписанность в конкретную богословскую традицию» будут рассмотрены в четвертой главе книги, однако, к сожалению, в книге содержатся только три главы. Вместо издания «Антирретика» и его перевода автор, дабы увеличить до неприличия малый объем исследования, никак не тянувший ни по научному уровню, ни по объему на отдельную книгу, помещает перевод некоторых текстов Геннадия Схолария, которого он без всяких на то оснований именует святителем².

Причина того, что Занемонец не выполнил своего намерения издать «Антирретик», состоит, по всей видимости, в филологической некомпетентности исследователя. Так, на с. 62 он переводит *iv'* как «ведь» вместо «чтобы». Фраза на с. 62–63 «Ведь откуда причина привнесенного в церковь Христову губительного новшества, так вот из этого же рода происходит причина и начаток ее ниспровержения» поразительно бессмысленна: к чему относится «ее» — к «причине» или к «церкви»? Греческое *αὐτῆς* само по себе действительно значит «ее», но в данной фразе сочетается с *καὶνοτομία*, «новшество», и посему местоимение должно стоять в русском переводе не в женском, но в среднем роде. На той же с. 63 *εὐφροσύνη*, «радость», переводится как «благоразумие», а слово

² Об ошибочности мнения, что Схоларий был причислен к лику святых см.: *Бернацкий М. М.* [Рец. на] Проповеди св. Геннадия II (Георгия) Схолария, патриарха Константинопольского / Пер. с греч., предисл. и комм. архим. Амвросия (Погодина); вступ. ст. и ред. перевода Г. М. Прохорова. СПб., 2007. (Библиотека христианской мысли. Источники) // БТ. 2009. Вып. 42. С. 413–420, здесь с. 414–415.

ἀγίοις в переводе опущено вовсе. На с. 40 ἔμαθεν, «он узнал», переведено «мы узнали», а δουλείας как «козни» вместо «работы», по-видимому, под влиянием созвучного слова δόλος, хитрость. На с. 64 τυχοῦσαν переведено как «случавшегося» вместо «обычного»: «не будем иметь случавшегося расположения». На с. 68 λεπτολογία передано вычурно-измышленным «многоустановность» вместо «педантичность, скрупулезность, следование до тонкости».

Много ошибок в переводе Флорентийского Ороса (с. 83 сл.). «Евгений... в согласии с подписавшимися ниже...» — ставит папу Евгения IV на одну доску с его контрагентами, чего в подлиннике все же нет: там — неведомый нашему автору оборот genitivus absolutus, который здесь может быть передан как «...при согласии...». Переводчик не заметил, что συναϊνοῦντος и ὑπογεγραμμένοις стоят в разных падежах, и переводить поэтому нужно: «при согласии с нижеписанным возлюбленного сына нашего Иоанна...». «Наступил мир и согласие краеугольного камня Христа» — здесь опять переводчик не видит gen. abs., и вместо его перевода нужно: «вернулся (ἔβανῆλθε) мир..., ибо краеугольный камень Христос соделал то и другое единым...». Вместо «да восславят мать — Вселенскую Церковь» (с. 84) нужно «да сорадуются (συναγαλλέσθωσαν) матери — Кафолической (καθολικῆ) Церкви». На с. 85 вместо «наконец пришли они к согласию в едином боголюбивом образе мыслей и едином разуме и одобрили начертанное ниже единодушное соединение» нужно: «наконец единодушно единым помышлением и единым умом они согласились и соизволили нижеписанное святое и боголюбезное соединение». Вместо «определяем, что это есть истина веры, и да приемлется она и да разделяется всеми христианами» следует: «определяем, чтобы (ἵνα) сия истина веры всеми христианами веровалась и принималась». «Все, что имеет Отец, Он Сам даровал Сыну» — отдает каким-то мягким арианством. В подлиннике все же δέδωκε — «дал» или «дает». В Евхаристии Тело Христово не «сотворяется» (sic!), но «совершается» — τελεῖσθαι. Вместо «пусть и невольные согрешения» нужно «согрешения и упущения — ἡμελημένων». Вместо «освобождению» нужно «облегчению — ἀποκουφίσεσθαι». Вместо «сообразно чести почивших» следует «сообразно достоинству — ἀξίαν — почивших» (с. 86). Вместо «Петра, главы апостолов» нужно «Петра, верховного — κορυφαίου — из апостолов». Вместо «вся власть» следует «полная власть», что совсем не одно и то же.

В книге много исторических ошибок. Современники Флорентийского собора могли думать, что III Вселенский Собор запретил делать добавления к Никео-Цареградскому Символу Веры. Но современный историк обязан знать, что этот «антиконстантинопольский» Собор сознательно игнорировал II Вселенский Собор и в своем постановлении имел в виду первоначальный, Никейский Символ, где о Духе сказано предельно кратко: «и в Духа Святаго».

Автор XV в. мог добросовестно утверждать, что ни один из Восточных Патриархов никогда не поставлялся папой. Но современный историк мог бы сделать уточнение, вспомнив, что такие случаи бывали: например, 16-летний Феофилакт, сын Императора Романа Лакапина, был рукоположен на Константинопольскую кафедру римскими легатами.

Грек XV в. мог считать Флорентийский собор восьмым Собором или лжесобором (с. 56, 102). Но мы знаем и должны были бы отметить, что Католическая церковь до Флорентийского имела уже целый ряд соборов, называемых ею Вселенскими.

Автор не прав, когда идеализирует «неразделенную Церковь» (с. 96), утверждая, что она имела единую триадологию, сохраненную греческим Востоком. Что нам тогда делать с Августином, у которого уже есть учение о *Filioque*? И Афанасиевский Символ, по всей видимости, не был интерполирован, как это сказано на с. 92, но, будучи составлен на Западе в V в.³, изначально содержал *Filioque*.

Автор слабо разбирается в реалиях византийской государственности. На с. 24 он ставит знак равенства между такими разными образованиями, как Морейский деспотат и Трапезунд, называя их «независимыми греческими государствами». Правда, на с. 65 делается некоторое уточнение: «Фактически независимый от Константинополя Морейский деспотат», а на с. 74 — еще ближе к истине: «Деспотат, в значительной степени независимый от Константинополя, однако все его деспоты были связаны с императором самым близким кровным родством».

А называя «странным утверждением» (с. 61) слова Иоанна Евгеника: «ни церковь одна не может благополучно устроить ничего благородного и совершенного без содействия светской власти» — автор показывает и свои пристрастия, и свое непонимание византийского феномена.

Даже в элементарной церковной терминологии у автора неясности: так, он называет «викарными» (с. 100) епископов, зависящих от первоиерарха, а на с. 82 без всяких пояснений твердо различает «отеческое» и «церковное» Предание.

В книге много технического брака и опечаток. Например, на протяжении значительной части 2-й главы (с. 52–64), когда речь идет о содержании ряда посланий Иоанна Евгеника, в сносках используется неверная сокращенная ссылка на отсутствующую в библиографии (с. 122) публикацию «Λαττίίδου 1912» вместо правильной «Λάττρος 1912»; на с. 122 «Ἐϋϋενίκοῦ Ἐκφρασίς» вместо правильного «Ἐϋϋενίκοῦ Ἐκφρασίς» (с. 122) и т. д.

Вывод неутешителен. Мы не можем советовать рецензируемую книгу ни «специалистам», ни «всем, интересующимся историей Церкви и Византии» (слова из аннотации).

Прот. Валентин Асмус

³ *Enchiridion symbolorum, definitionum et declarationum de rebus fidei et morum* / Ed. H. Denzinger, A. Schönmetzer. Herder: Barcinone, Friburgi Brisgoviae, Romae, 1976³⁶. P. 40–41; ср.: CPL. 167.